

Завершая обзор этого капитального и новаторского этимологического труда, следует отметить высокое качество полиграфического исполнения (хотя приходится сказать, что в современном этимологическом словаре передача кириллицы латинским шрифтом представляется неудобным для читателя-специалиста упрощением).

Ж.Ж. Варбот*

Примечания

- ¹ Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III // Этимология. 1973. М., 1975, 27–29.
- ² *Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo. ČSAV. Brno, 1966.*
- ³ См. Аникин А.Е. Этимологический словарь заимствований в русских диалектах Сибири. Пробный выпуск. Новосибирск, 1995, 3–4 (Предисловие).

F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Tretja knjiga. P–S. Dopolnila in uredila Marko Snoj in Metka Furlan. Ljubljana, 1995.

Выход в свет третьего тома "Этимологического словаря словенского языка" без всякого преувеличения можно отнести к значительным событиям славистики последнего времени. Как известно, у истоков словаря стоял акад. Ф. Безлай, им разработана концепция словаря, подготовлены первые два тома, которые увидели свет в 1976 и 1982 гг. Работа над третьим томом протекала трудно, акад. Ф. Безлай был уже тяжело болен, 27 апреля 1993 года его не стало. И возникло опасение, что словарь Безлая разделит судьбу многих словарных предприятий, успешно начатых, но в силу разных причин так и не доведенных до конца. К счастью, этого не произошло. Остались ученики Марко Сной и Метка Фурлан, которые взяли на себя нелегкий труд и сумели за сравнительно короткое время подготовить и издать давно ожидаемый третий том этимологического словаря словенского языка. Естественно, что эта работа потребовала от исследователей концентрации усилий, целеустремленности и незаурядных знаний в области славянского и индоевропейского языкознания. Опыт и навыки этимологического анализа и словарной работы они получили от своего учителя, под руководством которого работали над словарем, начиная с 1981–1983 гг. Молодые исследователи, прошедшие школу Б. Чола и Ф. Безлая, уже хорошо известны в науке своими исследованиями в области этимологии, славянского, индоевропейского языкознания. Докторская диссертация М. Сной посвящена проблеме развития праслав. *z* из индоевропейского *s* в свете последних достижений акцентологии; в сферу его научных интересов входят албанский язык; вопросы славянской акцентологии¹. М. Фурлан подготовила и защитила в качестве докторской диссертации исследование по хеттскому языку². Широкая индоевропейская подготовка определяет во многом направление и подход авторов к решению задач славянской этимологии. Словарь создавался в атмосфере творческого общения, в обсуждении этимологически трудных случаев принимала участие А. Шивиц-Дулар, которая в начале своего творческого пути, сразу после окончания Университета, некоторое время работала в словаре Безлая. Ей принадлежит большое интересное исследование, посвященное реконструкции этимологического гнезда с корнем *god-* в славянских языках³. В кратком предисловии к третьему тому М. Фурлан и М. Сной приносят глубокую благодарность своим великим учителям. На титульном листе акад. Ф. Безлай обозначен как основной автор словаря, и в этом проявлении глубокого уважения к выдающемуся ученому, так много сделавшему для историко-этимологического изучения словенского языка, хотя справедливости ради нельзя не отметить, что в III томе большая

* © Ж.Ж. Варбот

часть словарных статей написана учениками академика. По желанию акад. Безлая статьи, написанные его учениками, отмечены начальными буквами имени и фамилии, т.е. М. S. и М. F. Сохраняя в неизменном виде статьи, составленные Ф. Безлаем, авторы сочли возможным внести в отдельных случаях уточнения и дополнения, вся дополнительная информация дается в конце словарной статьи и заключена в квадратные скобки.

Словарь Ф. Безлая занимает особое место в кругу славянских этимологических словарей. Концептуально он ближе всего стоит к словарю Махека. Составители словаря принадлежат к одной школе, органично сочетающей в себе традиции классического языкознания с новыми подходами, predeterminedными в значительной степени пониманием задач этимологии и общей концепцией праславянского языка. Решение конкретных этимологических задач тесно связано с пониманием узловых проблем сравнительной грамматики славянских языков, с представлениями о развитии во времени и в пространстве системы праславянского языка. В работах словенских этимологов праславянский язык предстает как статичная система, в известном смысле лишенная своей внутренней истории, организованная по моделям индоевропейского праязыка, отсюда ориентация на исследование и реконструкцию исходной системы праславянского на самом начальном этапе развития. Морфологическая, словообразовательная, семантическая структура праславянского оценивается с позиции индоевропейского праязыка. И хотя там, где это оказывается возможным, делаются попытки проследить историю слова, определить состав и структуру лексико-семантических единиц собственно праславянского времени, все-таки в центре внимания исследователей остается другая проблема – отражение в структуре и семантике словенского и шире – славянских языков индоевропейского наследия. Именно эта проблема вынесена на первый план. И такой подход дает свои положительные результаты: взгляд из глубины, поиски индоевропейского наследия создают необходимые предпосылки для решения проблемы стратификации словаря, восстановления древнейшего пласта праславянского словаря. Индоевропейская направленность словаря – это то, что принципиально отличает анализируемый словарь от "Этимологического словаря польского языка" Ф. Славского с характерным для него первостепенным вниманием именно к праславянскому прошлому польского языка. Восстановление состава и структуры той части словаря, которая сложилась в *праславянскую* эпоху, входит в число первоочередных задач московского и краковского словарей.

Опубликованный том представляет собой вполне самостоятельное, оригинальное исследование, которое, не нарушая общего замысла, углубляет и развивает традиции словенской этимологии и вместе с тем несет на себе печать авторской индивидуальности. На новом витке развития этимологии то направление в науке, которое связано с именами К. Оштира, Б. Чопа, Ф. Безлая, обогатилось новыми идеями, новыми приемами анализа, получило дальнейшее развитие в работах их учеников. Этимологический словарь представляет собой сложное многоаспектное исследование, в котором одинаково важны и концептуально значимы все составляющие ретроспективного анализа: собственно лексический материал, организация этого материала в пределах словарной статьи, приемы анализа, определение круга родственных образований и восстановление исходной формы, генетических истоков слова в том или ином лексическом гнезде и т.п. Исходная форма определяется в терминах праславянской реконструкции. Восстанавливая исходные формы с ориентацией на начальный период развития праславянского языка, авторы в прогнорезе с этим принципом и вразрез с существующей установкой на воспроизведение в транскрипции фонемного и морфемного состава слова дают, как правило, реконструкции с упрощением сочетаний *gt', kt' > t'*. В основном это касается реконструкции инфинитивов с основой на взрывной: ср. **preti < *preg-ti, *prat'i < *prag-ti, *velt'i < *velk-ti*, но **strig-ti* и т.п., а также **plet'e < *plek-t-)*⁴. В соответствии с сочетаниями *tj, dj*, результаты палатализации которых определились по-разному в славянских языках, восстанавливаются палатальные *t', d'*: ср. **ryd'ь*.

Третий том, равный по объему первым двум томам, вместе взятым, представляет словенскую лексику с начальными *p-, r-, s-*. Следуя традиции, авторы оставляют неизменной структуру словарной статьи, в которой четко разделены две зоны: собственно лексическая, представляющая исследуемый материал в полном объеме, и этимоло-

гическая, на которую приходится основная часть объема словарной статьи. Словарную статью завершают отсылки, отсылочные слова, которые дают представление о родственных связях в словенском словаре. В исследуемом отрезке словаря много префиксальных образований (преф. *s-*, *raz-*). В ходе анализа этих образований авторы нередко обращаются к выяснению этимологии исходной основы, относящейся к последующим буквам алфавита (см. *vđj*, *vđja*, 'Leitsel' s. v. *povôdec*), а в ряде случаев возвращаются к предыдущему отрезку словаря, внося свои уточнения, дополнения в этимологию первых двух томов (ср. *predel* 'Scheidewand, Abteilung' ~ слав. **dělb*; *blázen* ~ *sóblazen* < *blázen*; *sódraga* ~ слав. **derga*; *razbôta* ~ слав. **botati*; *razdēžiti* ~ слав. **dežati* и др.).

Статью открывает заглавное слово в окружении близкородственных образований, почерпнутых из диалектов, старых и новых словарей. В круг источников по словенской лексике, помимо словаря Плетершника, включены старые словари Хиполита, Кастельца, урбарии и т.п., недавно опубликованные диалектные словари Новака, Карпичара, материалы по исторической топонимии, рукописные словари (ср. словарь Кенды). Обращает на себя внимание основательность и надежность сведений по истории, географии слов. Более последовательно, чем в предыдущих томах, исследуются все исторические записи слова, представленность слова во всех лексикографических источниках, прослеживаются пути миграции, формы бытования словенского слова в соседних немецких диалектах (ср. словен. *pógrad* 'застланное соломой, сколоченное из досок ложе' и бавар. *Bōgrád*, каринт. нем. *Pograden* и т.п.). Вносятся поправки в написание слова (ср. *sneǵúr* 'Turdus saxatilis' вместо приводимого Эрьявцем *slegúr*), в процессе текстологического анализа уточняется значение слова (ср. *slobôst*). Наряду с апеллативами в словаре найдем большой пласт топонимических названий, а также собственных имен (ср. *Perun*, *Perlutra*, *Pirniče*, *Prédoslje*, *Šlop*, *Sneberje*, *Smrje*, *Smrjene*, *Stroma* и др.), причем одни топонимы имеют самостоятельные позиции в словаре, а другие приводятся в составе этимологического гнезда, что помогает не только расширить материальную базу исследования, но и прояснить внутреннюю форму топонимического названия (ср. *Peričnik*, *Peračica*, названия водопадов, в составе гнезда словен. *práti* 'lavare').

Словник чрезвычайно богат. В словаре немало слов, не зафиксированных Плетершником: ср. *peski* 'молодые побеги чеснока' (Истрия), горенск. *pój* нареч. 'потом' < **po* + **je*, нареч. *pojmeni* 'nämlich, scilicet' < **po jьmeni*, далее к **jьme* (Megiser), диал. (Изола и др.) нареч. *poñjer* 'postquam' < **po-n'* e-že, *ponudiga* 'бродяга; туеяеда; навязчивый человек' к *ponuditi* (Hipolit), *poproža* бот. 'мальва' < ср.-в.-нем. **paper-rose* (Gutsmann), диал. (Крас) *poréd* 'оставленное поле' < **redь*, рожан. *pōžnjak* 'луг, который скашивается поздно и только один раз' < **po-žьn'*akь, далее к **žeti*, *žьn'q* 'жать', *premsati* 'штрафовать' (Pohlin, Trubar), *presičnica* 'praputium' (Hipolit) ~ *presikati*, *presikniti* 'durch eine Drehung anders wenden', диал. *pretaknjen* 'худой', *prstjēn* 'неприятный, противный' (SSKJ), **pristren* 'крутой' (Hipolit), *protje* 'сумасшедший дом, Tollhaus' (Hipolit), **prijatje* 'место жительства' (Alasia), *procke* 'кошки (шпы на подошвах), слетенные из тонких прутьев' (Valvasor), прекмур. *rāča* 'сеть для ловли раков' (Novak), рожан. *račlātā* 'болтать', диал. (Ribnica на Pohorju) *ramica* 'таможенная пошлина', прекмур. *reklāti se* 'откашливаться', *rene* 'мотовило' (Cigale), прекмур. *ridža* 'глупец, болван', зильск. *rohljati* 'моросить', черноврш. *sadrin* 'град, напоминающий соль', *seja* 'вид рыболовной сети' (только в урбариях с 1584 г.), *sežem* 'сажень' (Miklosich, Murko), белокран. *skutniti se* 'потемнеть (о небе)', *slápič* 'граница между полями', стар. *smet* 'вид налога', 'название земли' (1523 г.), *snipor* 'Heuicht' (Miklosich, Murko), прекмур. *somen* 'высокий, статный', рожан. *sóri* 'вол рыжей масти', диал. (примор., толмин.) *sobra* 'пшено', *sprelēp* 'место для сена в сарае' (~*lepiti*) (Valjavec, Cigale), *spuvu* 'всегда, постоянно' (Gutsmann, Šašel), *slonou rulez* 'Rüssel' (Gutsmann), которое можно было бы соотнести с лтш. *rauklis* 'скребок' (Фасмер III, 528) и т.д. И хотя словник с максимальной полнотой представляет лексику словенского языка, все же можно отметить отдельные досадные пропуски. В словник не вошло интересное своим вокализмом (продление ступени редукции) словен. *pír* 'гниль', *pírav* 'гнилой' ~ *peréti* 'гнить, преть, тлеть' (Pleteršnik II, 38), отсутствует архаичное производное с суф. -*ьь sesutina* 'мусор'⁵, не отмечены слова *prozor* 'окно' (Kastelec-Vorenc), диал. *pralo* 'яма, в которой стирают женщины', *ružiti* 'стучать, греметь, грохотать', *rūžiti* то же⁶ и др.

При сохранении прежней концепции, положенной в основу первых двух томов, словарь несет в себе много нового. Акад. Ф. Безлай видел свою задачу в том, чтобы в трудных случаях показать многомерность этимологического пространства, всем ходом рассуждений он лишь в самом общем виде намечал решение, допуская как одно из возможных включение слова в тот или иной ряд родственных отношений. Авторы не ограничиваются критическим аннотированием и реферативным обзором существующих этимологических версий, они стремятся к большей определенности, конкретности, предлагают свои, во многом оригинальные решения. Можно говорить об определенной эволюции III тома словаря в сторону более углубленной, детальной разработки индоевропейских истоков славянского слова, расширения приемов анализа, большей строгости и доказательности. При обосновании этимологии авторы опираются на действующие в славянских языках и индоевропейском праязыке словообразовательные модели, широко используют опыт семантической типологии (ср. семантическое обоснование связи гл. **pozabyti* и **byti*). В настоящем томе, в отличие от предыдущих, лишь в редких случаях слова объясняются на основе контаминации (ср. *slătina*, *smotlăka*). Структура слова оценивается с позиции индоевропейского, количественные отношения корневого вокализма объясняются при помощи ларингального. В круг научных интересов составителей словаря входят вопросы славянской акцентологии. Ударению отводится роль важного критерия при реконструкции исходной основы, словообразовательных отношений (ср. **směchъ*: **směja* 'ti se, но **směchъ*: **smě-cha* 'ti, **smo* 'rdъ: **smo* 'rditi и **smōrdъ* ~ лтш. *smāds*, *smāds* 'запах, дух'). Последовательная реконструкция древних акцентных отношений составляет отличительную особенность словаря.

В соответствии с общей концепцией словаря авторы стремятся дать более углубленную разработку индоевропейских истоков слова. В ряде случаев авторам удается расширить состав индоевропейских соответствий за счет привлечения нового материала, при этом особое внимание уделяется показаниям хеттского, тохарского, албанского и других языков. Особенно подробно исследуются отношения с балтийскими языками, близким по форме и значению словам балтийских языков отводится первое место в ряду индоевропейских соответствий. Более того, наблюдается тенденция свести к единой линии развития, восстановить общие процессы, общие правила, регулирующие образование глагольных и именных основ. Ставится как бы знак равенства между этими системами, недостающие звенья в славянской глагольной системе восстанавливаются по данным балтийских языков. Из анализа материала вытекает, что авторы признают системы генетически тождественными, более того, определяющей для этимологических поисков является идея производности праславянского от балтийского праязыка. В ходе анализа акцент делается на различиях в структуре индоевропейской корневой морфемы, при этом подробно прослеживается, в каких направлениях шло преобразование исходной основы в разных группах индоевропейских языков. В качестве единицы исследования выступает морфема минимальной длины. Когда оперируют минимальными величинами, всевозможными комбинациями, состоящим из двух, трех-четырёх элементов, включая ларингальный, открывается большой простор для самых неожиданных сближений весьма далёких образований. Такой чисто формальный подход лишает реконструкцию реальности, переводит ее в область абстрактных отношений, где действует единственный критерий достоверности – чистота, строгость процедурного анализа, проводимого в соответствии с теми правилами, которые принимаются самим автором за аксиому. На чисто корневом уровне постулируется связь весьма удаленных друг от друга слов. Примером широкого использования сочетаемостных возможностей корня минимальной длины с различными расширителями может служить гнездо с и.-е. корнем **er-*, **erH-*, **erH-* 'разделять, быть отдельным, редким, просторным', который, по мнению авторов, находит отражение в слав. **-oriti* (ср. рус. *разорить*), **rědъкъ* < **reH-* (ср. также Pokorny I, 332–333; Fraenkel 16–61), а также в словен. *ramica*, соотносимом с др.-рус. *рама* 'граница, пашня, примыкающая к лугу' (< **ormy*, **orma* 'граница (=поле или лес)' < **orH-men-*, **ōrH-mā*), хетт. *arha* 'граница' < **ērHālo-*, *irha* 'ряд, ограничение' < **ērHāā*, *irma(n)* 'болезнь' < **ērH-me* 'n, др.-инд. *īrmā* 'рана' < **rH-mo-*. Усилия исследователей направлены на поиски архаичных структур, построенных по моделям, действовавшим еще в индоевропейскую эпоху. С позиции индоевропейского толкуется структура праслав. **stānъ* (: **stati*), старой основы на *-u*, традиционно сопоставляемой с др.-инд. *sthāna-*

‘место, место пребывания’, авест., др.-перс. *stāna-* ‘стойка, место, стойло’ и др. (Фасмер III, 745). Принимая во внимание ударение (циркумфлекс), а также различия основообразующих показателей, авторы приходят к мысли о том, что можно провести аналогию между слав. **stanŕ* и образованиями типа др.-инд. *kṣepnū-* ‘поспешность’, *blānī-* ‘свет, блеск, вид’, авест. *tafnu-* ‘жара’, существительные этого типа связаны с прилагательными на *-ni-* типа **dhŕs-ni-* и основами наст. вр. на назальный. В этом ряду отношение слав. **stanŕ*: **stanŕ* приравнивается к отношению др.-инд. *rināti* ‘скатать, пролить’: *reñi-* ‘пыль’. Исходя из системы индоевропейских отношений, авторы объясняют словообразовательную структуру слов, сложившихся на почве праславянского. Так, словен. *spelude* ‘grinte’, узлокальное и относительно позднее образование, связанное отношением производности с гл. *plēti, plēvem* ‘полоть’, в словаре толкуется как производное с суф. *-dy* от и.-е. **pel(H)u-*, мн. ч. **-oŕes* ‘мука, пыль’. Другой пример – словен. *rédos* ‘большое решето для просеивания муки’. Представленные в диалектах синонимы типа *redoseŕja, redkosŕja, redesŕja* как будто бы дают основание видеть в словен. *rédos* усеченную форму, но авторы отдают предпочтение другому объяснению – из и.-е. сложения **rēdo-slo-*s, вторая часть которого из и.-е. **seH-* ‘perscribare’ с вокализмом в нулевой ступени. Едва ли оправдано выведение слав. **rězъkъ*, соотносительного с гл. **rězati*, непосредственно из и.-е. **urĕg’u-*. Некорректно, исходя из и.-е. **saln-ĕjH-nā*, объяснять праслав. **solnina* (с. v. *slanina*), имеющее все признаки собственно славянского образования, произведенного по активной модели при помощи суф. *-ina* от прилаг. **solnъ* ‘соленый’. Минувя обязательную ступень внутриславянского анализа, авторы прямо соотносят слав. **periti* < **perti* (ср. словен. *périti* ‘вставлять зубья в щетку, грабли’, ‘вставлять спицы в колесо’) с греч. τεῖρω ‘прорываюсь, проникаю’, τόρος ‘проход’, гот. *faran* < и.-е. **per(H)-* ‘перевезти, переправить’. Представляется спорной трактовка на и.-е. уровне праслав. **palъ* ‘черпак’ (ср. словен. *pálj*, хорв. чак. *pāl̂j* и т.д.), которое трактуется как продолжение и.-е. **pōlHġo-* и связывается родством с хетт. ^{DUG} *palthi-* ‘котел’, др.-инд. *pāri* ‘ведро для молока’, *pāli-*, *pālikā-* ‘горшок’ < и.-е. **pōlH-i-* **pelH-* ‘лить, наливать, встряхивать’. И сближения с древними языками выглядят весьма эффектно, но при этом осталась неопровергнутой этимология Майрхофера, согласно которой др.-инд. слова родственны лат. *pēlvis* ‘Becken, Schüssel’, англ. *full* ‘Becher’ и др., т.е. принадлежат другому гнезду (Mayrhofer II, 260, 262; Pokorny I, 804). Между тем допустимо истолкование старого ю.-слав. диалектизма в гнезде слав. **polti, poljъ* (словен. *plāti* ‘вычерпывать, веять’, *pōl* ‘черпак’) на основе собственно славянских апофонических отношений.

Для праславянского языка восстанавливается большое число генетических омонимов. Семантический принцип, а точнее расхождения в семантике формально близких слов, положен в основу реконструкции праславянских омонимов. Современная этимология не ограничивается диахронической идентификацией форм соотносимых слов. Историческое тождество слова основано на учете исторической эволюции формы и значения слова. К использованию семантического критерия в этимологии уже давно наметились разные подходы. В словаре В. Махека, а вслед за ним и в работах словенских этимологов значение понимается как некая статичная величина. Родственными признаются слова с близкими или совпадающими значениями, даже если весьма велики формальные различия, отклонения в форме, для объяснения которых прибегают к фонетическим изменениям и преобразованиям нерегулярного характера. Проблема омонимов относится к числу сложнейших в славянской и индоевропейской этимологии. Омонимы возникают под влиянием разных факторов в разное время. Необходима мобилизация всех ресурсов, чтобы выяснить: 1. не является ли формальное тождество результатом определенных фонетических процессов, актов словообразования и т.п., 2. не являются ли омонимы результатом семантической дивергенции⁷. Прогресс в этимологии в ряде случаев стал возможен благодаря семантике. В работах Э. Бенвениста⁸, О.Н. Трубачева⁹, Б. Егерса и других ученых получили обоснование специальные критерии семантического анализа, установления исторического тождества в семантике. Семантический анализ должен предварять поиски индоевропейских соответствий. Изменение значений во времени и историческая идентификация значений и, таким образом, восстановление диахронических тождеств – условия, обязательные для этимологического анализа. Слово, функцио-

нирующее в системе определенных семантических отношений, живет в контексте, здесь оно подвергается различным сдвигам, выявление всех случаев контекстного переосмысления помогает понять, как шло формирование смысловой структуры слова. В процессе сложных семантических преобразований отдельные значения начинают жить самостоятельной жизнью, мотивируют последующие изменения. В значении закреплён результат длительной эволюции слова. В конечном итоге надежность этимологии напрямую зависит от полноты материала и от того, насколько успешно удалось выявить в семантической структуре слова архаичные элементы, помогающие определить исходную и последующие ступени семантических преобразований. Поэтому особое значение приобретает достоверность семантической реконструкции. Привлекательные в словаре примеры из области семантической типологии могут служить дополнительным аргументом при выборе того или иного этимологического решения лишь при условии предварительного проведенного внутриславянского анализа.

Статичный подход к семантике, невнимание к внутриславянским семантическим процессам неизбежно приводит к неверным выводам о характере отношений лексем, утративших в силу разных причин тождество значений. В ряде случаев определяются как омонимы слова, имеющие общие генетические истоки. Так, видимо, излишне предположение о совпадении в праслав. *čelo двух основ – *čelo ‘frons’ и *čeliti = греч. τέλος ‘стадо, рота, отряд’ < *k^hel-os (ср. словен. čěliti ‘гладко обрезать (нижний конец снопа)’, прекмур. *čeliti ‘обмолотить верхушку снопа’, абстр. *čeloba ‘чистота (о хлебном зерне)’, в.-луж. *čelić ‘полировать, начищать до блеска’), семантические различия не столь велики, особенно если принять во внимание, что глагол обозначает действие, направленное на ту часть предмета, которая выделяется, возвышается, ср. еще рус. диал. *челить ворох* ‘разделять (делить) на чело и озадок или охвостье’ (ЭССЯ 4, 39). Нельзя признать обоснованным разделение *piti I ‘bibere’ и *piti II ‘мучить, грызть, болеть’. Примеры типа русск. *пить кровь*, словен. *izpiti komu kri* ‘уничтожить’, болг. *пие ме* ‘сильно болит внутри’ и т.п. скорее говорят о метафорическом переосмыслении семантики гл. *piti ‘пить’. Также трудно согласиться с реконструкцией для праславянского языка омонимов *plesti I ‘плести’ (~ др.-в.-нем. *flehtan*, лат. *plectere* ‘плести’ и др.) и *plesti II ‘говорить, лгать’ < *(s)pel- ‘говорить восторженно’ (~ лит. *plèpti, plėpì* ‘лгать’, лтш. *plėpēt* то же) с разными рядами индоевропейских соответствий. Вполне понятен и, как нам кажется, не требует особых доказательств переход от значения ‘плести’ > ‘плести, вести разговор’ > ‘сплетни’. Нет оснований предполагать разное происхождение для словен. *rázbor* I ‘различие’ и *rázbor* II ‘пробор в волосах’ с выведением последнего из и.-е. *orz-órъ (> словен. *razd̄r* ‘sulcus’). В пользу этимологического тождества этих образований говорят рус. *про-бёр* ‘раздел волос на две стороны’, *пробра́ть голову, волосы* ‘сделать пробор, расчесать дорожку’, семантически мотивированные гл. *пробрать* в значении ‘прополоть, прочистить от сорной травы; проредить, выбрать лишнее’ (Даль² III, 468). Вслед за Скоком (Skok III, 231–232) авторы принимают для индоевропейского омонимы *seH- ‘сеять’ (слав. *sě-ja-ti) и *seH- ‘percribare’ (ср. слав. *sito) и пытаются разграничить продолжения этих основ в славянском материале, что едва ли оправдано (ср. Фасмер III, 615). Разные истоки восстанавливаются для слав. *pъrxъ/ *porxъ (словен. *prh* ‘пыль’, ‘пепел’, ‘плесень’, ‘рыхлая земля’ и *prāh* ‘pulvis’) < и.-е. *pers- / *porso- ‘моросить’ и гл. *pъrxatil / *porxatil (словен. *prhāti* ‘порхать’, ‘бежать’, рус. *порхать*). Глагол соотносится со словен. *pirāč*, рус. *летучая мышь*, кашуб. *šatofeł* то же и объясняется как -s- интенсив от *prati, perq* ‘лететь’. Включение в это гнездо названий летучей мыши вызывает большие сомнения. Из всех известных толкований этих названий наиболее вероятными представляются версии, которые объясняют слав. *qруъ как сложение *q- + *pirъ ‘наверх вылетающий’ (Фасмер² IV, 858–859: Дополнения О.Н. Трубачева) или сближают разнообразные обозначения (слав. *qруъ*, русск. *непопырь* и т.п.) со слав. *puryъ ‘огонь’¹⁰. Индоевропейскими сближениями, отобранными в первую очередь по семантическому принципу, часто определяется направление поисков этимологического решения и само решение. Так, небольшие различия в семантике слав. *ruxiati, *rušiti служат основанием для разграничения и.-е. соответствий и реконструкции омонимов: *rus-ti ‘двигать’ (словен. *rúhati* ‘двигать, сотрясать’, *rúhati se* ‘моросить’, укр. *рушити* ‘двигать, шевелить’, а также слав. *rychlъ) ~ лит. *rusėti* ‘двигаться, передвигаться’, *rusėnti* ‘бежать, мчаться’, *rusnóti* ‘струиться, моросить; семенить’, швед. *rūsa* ‘бушевать,

спешить' < и.-е. *(e)reč- 'быстро двигать, передвигать', сюда же лат. *ruō, -ere* 'спешить, двигаться вниз, течь, лить' и др. (Рокорну I, 331) и **rus-ti* 'рыть, рушить, дробить, толочь, резать' (словен. *rušiti* 'разрушать, уничтожать', рус. *рушить*, ст.-чеш. *rušiti* 'уничтожить' и т.д.) ~ лит. *raĩsti, rausiù, -siaũ* 'рыть, копать', лтш. *rāust, rausu, -su* 'рыть, рыться, копать, тереть, чистить' < и.-е. **rou-s* < **reč(H)-* 'рыть, разрушать, ломать' (> праслав. ***ruiti, rufež* 'рыть' ~ лит. *rāuti, rāuju* 'рвать, тереть, корчевать'). Границы выделяемых гнезд расплывчаты и неопределенны, не случайно по существу одни и те же слова (ср. слов. укр. *рушити*) оказываются включенными в разные ряды соответствий. В предлагаемом истолковании не учитываются возможности семантических преобразований в рамках гнезда с корнем **rou-* (слав. **ryti, *r̥vati*). Восстановление для праславянского омонимов *pr̥ga I* 'вид кукурузной лепешки', 'мука из сушеных фруктов' и *pr̥ga II* 'экскременты козы или овцы', 'выжимки', 'семена' во многом основано на признании непрерывности и неизменности значения, сохранения этого значения разными языками в историческое время. Слав. **pr̥ga I* (др.-рус. *perga* 'недозрелые и подсушенные (или жареные) хлебные зерна', с.-хорв. *pr̃ga* 'вид еды и мука, из которой приготовлена еда' и т.д.) с восстанавливаемым значением 'то, что сухо, пусто' (~ лит. *sp̃rgas* 'шкварка') возводится к основе с вокализмом в нулевой ступени *(s)pr̃Hg(h)-: *(s)praHg(h)- 'быть сухим' (слав. **pragti*, лит. *sp̃rgti* 'печь, жарить'). Ориентиром в поисках индоевропейских истоков для **pr̃ga II* служат лит. *spir̃a* 'экскременты мелкого скота', лтш. *spir̃as* то же и 'крупный серый горох', греч. σφύρας, σπυρας 'экскременты', σπυράδες 'шарик' < и.-е. *(s)p̃(h)er- 'мелкие экскременты, имеющие форму шариков', та же основа с расширителем *gh-* находит отражение в праславянском. Нет непреодолимой преграды между значениями слав. **pr̃ga I* и *II*. Можно думать, что все разнообразие семантики мотивировано признаком 'нечто мелкое', поэтому остается неопределенной старая этимология, пашедшая отражение в словаре Фасмера (Фасмер III, 235). В качестве семантической параллели можно привести с.-хорв. диал. *prax* 'козий помет, навоз'¹¹. Также представляется необоснованным выведение словен. *pr̃gasi* 'пестрый' из **pr̃uga* 'пятнышко, полоса' (~ рус. *прыгать*). Место этого образования в гнезде слав. **pr̃ga*, первонач. 'пятнистый'. В приведенных примерах, как и во многих других случаях, речь может идти только о семантических омонимах, имеющих общие генетические истоки.

Необходимо отметить, что авторы, следуя семантическому принципу, в некоторых случаях вносят свои коррективы в уже устоявшиеся взгляды на связи индоевропейских основ. Так, в полном соответствии с принципом семантического тождества в ряду ближайших и.-е. соответствий слав. **pročь* (< и.-е. **pro-ko-s* < **pro-* 'вперед, прочь') оказываются авест. *fraka* 'вперед, прочь', *a-fraka-tak* 'тот, кто не убежит от страха', лат. *procul* 'далеко, вдаль' (< **pro-co-lī*), ср.-в.-нем. *vort* 'fort', слова, по своей семантике ближе всего стоящие к исследуемому слову, а традиционно принимаемым словарями сближением с греч. πρόκα 'тотчас, вдруг', др.-лат. род. мн. *procut* 'глава', лат. *procerēs, -um* мн. 'родоначальники' по причине удаленности значения отводится более второстепенная роль.

Одна из задач, решаемых словарем, состоит в том, чтобы выявить древнее, индоевропейское наследие в словенском словаре. В центре внимания изолированные лексические архаизмы с родственными связями только на индоевропейском уровне. В словаре немало слов, которым отведен статус изолированных образований в славянском словаре (ср. *sol*). Однако статус слова во многом зависит от этимологического истолкования. В качестве примера можно привести словен. *spr̃želj* 'насекомое' < **spr̃ž-elb*, сближаемое с лит. *spr̃igis* 'щелк, щелчок', *spr̃igė* 'Impatiens noli tangere', лтш. *spridzigs, sprigans* 'быстрый, проворный'. Но не исключено, что обозначение насекомого сложилось на основе переосмысления *pr̃ga* 'пыль', т.е. 'нечто незначительное, очень маленькое' > 'насекомое' и связано отношением производности с гл. *spr̃žėti* 'превратиться в пыль'. Семантика требует более гибкого подхода. В словен. *solina* 'навоз', *solniti* 'удобрять, унавоживать', отнесенном к изолированным образованиям, авторы видят реликт и.-е. **sal-* 'нечистота, грязь' (> лит. *salsi, salsti, saltaũ* 'стать грязным, нечистым', арм. *alt* 'грязь', алб. *alb* 'экскременты', хетт. *šalpa-, šalpi-* то же и т.д.). Восстановить историческую преемственность значений помогает с.-хорв. *solilno* 'место, где солится трава для скота' (Толстой² 894), непосредственно мотивированное исходным значением 'соль'.

Определяя генетические истоки словенской лексики, авторы опираются на имеющиеся этимологические разработки: в одних случаях принимается то или иное из известных толкований, в других делаются попытки развить и углубить одну из версий (ср. *sláti* < **stblati* ~ лтш. *tilát* 'быть расстеленным, о льне, конопле', *tilèt* 'белишь лен', лат. *lātus* 'широкий' < и.-е. *(s)telH- 'простира́ть'; *pīt* 'кусок ткани' ~ лит. *spartas* 'завязка', греч. σπάρτος 'растение, используемое для изготовления веревок', арм. *p'arem* 'опоясать' и др.). В этимологически трудных случаях рассматриваются возможности разных подходов и оценивается их вероятность с учетом общих закономерностей. Многие словенские слова этимологизируются впервые. Трудности этимологизации словенской лексики сопряжены с тем, что в многочисленных диалектах слово претерпевает сложные фонетические преобразования, которые приводят к затемнению изначальной формы. Во многих случаях восстановление внутренней формы слова требует не только знаний в области словенской диалектологии, но и догадки, остроумия, неординарного подхода. Авторам удается найти достаточно вероятные толкования для многих так называемых темных слов. Так, с учетом сложной диалектной фонетики предлагается объяснение словен. *pěica* 'яма, пещера' из **pěcca* < **pēcica*, ум. к *pěca*. Представляются вероятными предлагаемые авторами объяснения в следующих случаях: гл. *roginiti* 'искривить, изогнуть' и тесно связанные с ним имя *zapōga* 'сгиб', а также топ. *Zapōge* < **za-pogъb-*; *pōrta* 'ливень, дождь' из **po-vъriā*, ср. с.-хорв. диал. *vъniti* 'падать (о дожде, снеге)'; диал. *přda* 'одежда, колпаз' несут за невестой в день свадьбы < **přidь* 'то, что прибавляется, добавок, польза'; штир. *premačec* 'маленькое ведро' < *prejemač*, далее к гл. *pre-jěmati* *'перекладывать'; *prstjen* 'неприятный, противный' < **pri-stьdєnъ*, далее к **studiti*; *razvica* 'Benediktenkraut; Geum' < **raz-vitica*, далее к **viti*; *reměnka* 'писанка' < **rumєnъka*, далее к **ruměnъ* 'румяный'; *ruska* 'ягода' (Alasia) < *truska*; **stveva* 'послед' < **jъz-terba* и др. Для словен. *plāti se* в значении 'быть очарованным, околдованным' и связанному с ним *plātek* 'порча, сглаз', 'место в поле, где ведьмы сжигают мусор, солому и т.п.' предлагается интересная идея, к сожалению, до конца не разработанная, о возможном родстве с гл. **plesti*. Вполне убедительно обосновывается идея об исконном происхождении словен. *praha* 'Brachfeld, Brache'. Авторы вводят словенское слово в круг ближайших ю.-слав. образований (с.-хорв. *prāhati* 'пахать', *praha* 'вид рала', макед. *praši* 'рыхлить, окापывать виноградную лозу' (из нар. песни), болг. диал. *prāциим* 'рыхлить землю', 'перекапывать гряды' и т.п.) и показывают, что предположение о заимствовании носит необязательный характер, вполне возможно образование земледельческого термина от глагола **porchati* 'пахать, окापывать' < **porchъ*. Как одно из отражений основы **luk-*, **ličъ* < и.-е. **leuk-* 'светить' (ср. словен. *lūkati* 'смотреть, выслеживать', с.-хорв. *lūkati* 'смотреть, глядеть' и др. – ЭССЯ 16, 1700) и 'смотреть, глядеть' рассматривается словен. *preluka* 'pharos, portus'. Заслуживает внимания предположение о родстве словен. *senki* 'abortus, послед после родов' со ст.-чеш. *ksenci* 'мальки жаб, рыб', польск. *ksieniec* 'съедобные внутренности рыбы' и т.п. (< **къsenьси*; см. об этой лексической группе ЭССЯ 13, 245). На наш взгляд, найден верный путь к пониманию внутренней формы словен. *spolik* 'мелкие, незрелые зерна', которое вместе со словен. *izpōljek* 'плохой хлеб' (~ рус. диал. *сиблина* 'лузга, шелуха') соотносится с гл. **jъz-polti*, только заметим, что словен. *spolik* содержит суф. *-ika*, а не *-yka*. Детальную разработку на широком славянском фоне с анализом всех возможных вариантов получает в словаре словен. *prāprot* 'filix'. В словаре предпринята попытка обосновать этимологическое тождество слав. **pravъ* и **prъvъ* 'primus' < и.-е. прилаг. **prъco-s-*: **prъco-s* с суф. *-o- (типа **per* 'перед' > прилаг. **per-o-s* 'прежний, отдаленный') с дальнейшим преобразованием форм парадигмы: сущ. им. **pr-ou-* м., ж. р. 'что относится к передней стороне', вин. **pr-ou-m/m*, род. **pr-ъ-es*. Этимологически трудное слав. **prstъ* (s. v. *prst* 'digitus') (ср. Фасмер III, 244) толкуется на индоевропейском уровне как сложение дух основ **pr-* 'находящийся впереди' (к **per-*) + **stah-* 'стать'.

Естественно, любая словарная статья, любой этимологический этюд заслуживает самого внимательного изучения, более того, может и даже должен стать предметом специального анализа. По причине краткости рецензии мы не можем дать подробный разбор всего лексического материала, включенного в словарь. Этимологические этюды, разработанные авторами, построены на большом материале, содержат много интересных идей. Новый материал и несколько иной подход к оценке материала открывают новые

перспективы в этимологическом изучении слова или позволяют просто внести некоторые коррективы в уже известные решения. Этимология, оставаясь гипотезой более или менее вероятной, дает богатый материал для размышлений и тем самым стимулирует более углубленное изучение разных аспектов сравнительной грамматики славянских языков, помогает мобилизовать имеющиеся средства для переоценки или, наоборот, подтверждения, всестороннего обоснования того или иного решения. Остановимся лишь на некоторых этимологических решениях, которые по каким-то причинам вызывают наше несогласие или желание вступить в дискуссию по некоторым вопросам.

páglavec 'головастик; карапуз, шалун' ~ хорв. диал. *pulóglavac*, польск. *pałgłowiec* и т.п. < **palo-golvъsъ*; для первой части восстанавливается и.е. **pōlo-* 'вздутый, толстый, большой' (словен. диал. *pála* 'утолщение на нити'). По всей видимости, эти образования следует разделить. Словен. *páglavec* имеет другую структуру: это – сложение архаичного преф. **pa-* и имени **golva*. Точные соответствия находим в рус. диал. (яросл., моск., влад.) *náоловка, náоловица* 'головастик' (СРНГ 25, 114–115).

-páliti 'толочь, бить' (в сложении с преф.: *opáliti koga po hrbtu, pripáliti*) вместе с с.-хорв. *opáliti* 'ударить, дать пощечину', чеш. *nepáliti* 'ударить', рус. диал. *zanalúť* в том же значении и т.п., вслед за Махеком (Machek² 430) в соответствии с принципом обязательности семантического тождества соотносимых основ, объясняется как родственное др.-инд. (*ā*)-*sphālayati* 'толочь, бить' и 'расщеплять' и возводится к и.е. *(s)p(h)el- 'бить, расщеплять'. Между тем существует большая вероятность того, что семантика этого глагола вторична, она явилась результатом переосмысления, метафорического употребления гл. **paliti* 'жечь'. Аналогичное развитие наблюдается в рус. диал. *nalúť*, которое употребляется в значении 'печь', 'обжечь огнем, опалить' и служит обозначением действия, выполняемого с особой силой, азартом (СРНГ 25, 171); *zanalúť* 'производить удар по чему-л.' (сев.-двин.), 'наносить удар во что-л. (в ухо и т.п.)' (пск., вят., смол.), 'убить из ружья' (олон.) (СРНГ 10, 300), *опалúť* 'обжигать на огне', 'печь' и 'поразить, ударить молнией' (арх. и др.) (СРНГ 23, 231).

pámetiva 'день поминовения невинных детей (28. XII)' < **pa-met-* 'драка', далее к гл. *mesti* (ср. словен. *mêt* 'Ringen, Rauserei', *pomésti koga* 'бросить на землю'). В пользу приводимой в этой же словарной статье старой этимологии, сближения с ц.-слав. *rametivъ* 'о том, кто хорошо помнит' говорит русск. диал. *námьatъ* в значении 'праздник в честь чего-л.' (СРНГ 25, 190).

pāra 'дьявол, черт' ~ польск. *parać* 'делать зло', слвц., чеш. диал. *paratii* 'бушевать, резвиться' ~ др.-норв. *fār* 'гнев, ярость' < и.е. **per-* 'рисковать; опасность' (Рокоту I, 818). В словаре отклоняется идея Миклошича о связи с *pāra* 'пар; духота' (Miklosich 231). В пользу этой идеи говорит как будто бы тот факт, что в славянской мифологии многие демонические существа принимают облик *para*, дыма, воздушного столба, ветра и т.п.¹²

pekēt 'топот, стук' определяется как производное от слав. гл. **pek(a)ti* 'бежать', который, как полагает автор, сохраняется в русском выражении *упекать в Сибирь* 'сослать, отправить против воли'. Рус. *упекáть*, итератив к *унéчь*, связан отношением производности с гл. *печь* (Даль² IV, 501).

peski 'молодые побеги чеснока', вероятно, родственно рус. диал. *пéски* мн. 'кончики пальцев на ногах' (СРНГ 26, 302), блр. диал. *пéскі* 'семена подсолнечника' (Скарбы 117) < слав. **pěstь* (Фасмер III, 250).

-petiti se только в сложении с преф. *pri-, na-, s-, u-* 'случиться, произойти' < и.е. **pént-oH-s* < **pent-* 'ступать, идти'. Более вероятна версия П. Скока (Skok IIб 648), согласно которой этот глагол ограниченного распространения образован от слав. **peti, pьnъ* по типу **kolti*: **koltiti*. В пользу этой версии говорит семантика глагольных образований: ср. хорв.-кайк. *napetiti se* 'натолкнуться, наскочить', 'случиться', рум. (< слав.) *a speti* 'lähnen', рус. диал. *заняťь* 'перегородить, загородить что-л.', 'удержать, остановить кого-л. от чего-л.; сдерживать свободу проявления чего-л.' (СРНГ 10, 374). Приведенные примеры позволяют предположить развитие значения в направлении 'за-пнуться, споткнуться' > 'потерять свободу действий', 'случиться, произойти'.

pīruh 'Осереи', *Pl̃nice*, топ., *pīrgasi* 'пестрый' < слав. **pyrъ* 'огонь' ~ **pyriti* **puriti* 'жарить, жечь' (с.-хорв. *п̃рути* 'обжаривать', польск. *zapyrzyć się* 'закраснеться' и т.д.).

Остались неуточненными словен. *zaplríti se* 'краснеть' (Pleteršnik II, 863), диал. *piríti se*: "Kaj se piríš?" – "Что ты так краснеешь от злости?"¹³ См. Skok III, 81; Machek² 502. Трудно согласиться с включением в это гнездо словен. *zaripniti (od jeze)*, *rupěč* 'зардевшийся' (s. v. *r(piti se)*).

pívka 'хрипота' < гл. *pivkati* < **pivъ-kati*, далее к **pi-va-ti*, итеративу по отношению к незавидительствованному гл. **pi-ti* 'дышать, сопеть', сближаемому со слав. **pi-ska-ti*, **pi-ka-ti*. В словаре Плетершника глагол приводится в значении 'производить звук *nuv*' (ср. *piščeta pivkajo po koklji* – Pleteršnik II, 45), что дает основание предполагать, что это звукоподражательное образование.

plug 'плуг'. При этимологизации этого слова ставится под сомнение связь со слав. гл. **pluti* < **pleu-*, **ploу-* 'течь, лить(ся), тащить'. Эта версия, высказанная еще Миклошичем, получила развитие и обоснование в работах О.Н. Трубочева (см. Фасмер III, 287, прим. Трубочева)¹⁴.

plužiti se 'спариваться (о жабах)' ~ рус. диал. *плужиться* 'медленно идти, ехать, тащить за кем-л.' (СРНГ 27, 164), укр. *плужити* 'хорошо идти' (Гринченко III, 198) и т.п. < и.-е. итератив **ploуH-g(h)-eje/o-* с исходным корнем **pleu(H)-* 'идти, продвигаться вперед', далее – к и.-е. **pel-* (слав. **pel'ati* 'везти, тащить', **polngiti* 'броситься'). Едва ли есть основания для отделения названных глаголов от слав. **plugъ*. Образное употребление дало толчок к переосмыслению отыменного глагола и развитию на основе прямого значения переносных значений.

**podlěček* 'подложенное яйцо', объясняемое как **pod-vlečěk*, вероятно, связано с другим глаголом – **legiti (se)* в специализированном значении 'высиживать птенцов, вылупляться из яйца', ср. словен. *lěči* 'высиживать птенцов, сидеть на яйцах' и др. (ЭССЯ 15, 56).

podlína 'поле с неглубокой землей (вероятно, следует понимать: с неглубоким плодородным слоем)' может быть с большой долей вероятности соотнесено с рус. диал. *подлин* 'пологая часть лотка' (забайк.), *подлить* 'бороновать землю перед посевом' (ярослав.) (СРНГ 28, 66, 67). Вполне возможно, что речь идет не о плохой земле (и соответственно не о производительности от **podьlъ* 'подлый'), а об обозначении верхнего тонкого слоя земли, близкого к поверхности, т.е. расположенного по длине поверхности и, следовательно, связанным отношением производительности с **po dьlilě*, родственного слав. **dьlina* (ср. ЭССЯ 5, 210).

podúrek 'нырок' (см. еще *ponúrek* 'podiceps') ~ хорв. кайк. *pondurek* 'mergus, fulix'. Скорее всего *d* в корне вторично, является вставным, исходная форма – **ponurek*, сложившаяся на базе гл. **nuriti*. Представляется весьма спорной реконструкция особого глагола **duratil iti* 'потопить' и объединение с ним слав. **d'ura* 'дыра' и **durbъ* 'палка' (с-хорв. диал. *dúr* 'острая полка, которой попадают в углубление, ямку в земле', др-рус. *дѹрѣи*), этимологизируемых иначе (ср. ЭССЯ 5, 162).

podmájiti se 'притаиться' (ср. еще прилаг. *podmájen* 'пронырливый, коварный, лукавый') < **po-(ə)májiti* < **po-(ə)māj* 'притворство, лукавство', последнее соотносится с **po-tymiti* 'темнеть', **tyta*. Трудно принять такое истолкование даже с учетом словообразовательной модели *znâk* > *znáčiti* > *znáčâj* > *znáčáji*. Место словен. *podmájiti se* в гнезде гл. **majati (se)* 'двигаться туда-сюда' > 'делать обманные движения', 'обманывать' (см. **maniti*), 'обманщик, лгун', 'нечистый дух', 'пугало' среди производжений слав. **manidlo* (См. ЭССЯ 17, 132 и след., 196–197).

pláha 'вылет пчел' вместе с гл. *prašiti se*, *zapašiti se* 'прыгнуть, разбежаться' ~ ц.-слав. *испрыгнѣти* 'выпрыгнуть' < *(s)*prûg-* (рус. *прыгать*) и **prgg-*, хотя тут же находим отсылку к *prâh*. И последнее представляется наиболее вероятным, особенно если учесть семантику словенского отыменного гл. *prašiti* – 'поднимать пыль', ~ *se* 'вылетать (о пчелах)', 'пробудиться, выбираться на солнце (о пчелах)' (Pleteršnik II, 211).

prálica 'похожее на серп орудие для прополки сорняков' < гл. **ryrati* 'бить, ударять; стирать, чистить'. Скорее всего в образовании этого отглагольного имени участвовал суф. *-dlo*, а не *-l*, т.е. исходной следует признать форму **ryradlica*, а не **ryralica*. Вероятно, с тем же глаголом связано и словен. *praliska* 'rima'. Значение 'щель, трещина' могло развиваться из 'бить, ударять'. К этому же гнезду относится упомянутое выше диал. *pralo* 'яма, где стирают женщины'.

prâm 'полоса', 'пучок, моток' < **pormy*. Редукция исхода основы, по мысли авторов, произошла по аналогии с **kon'it*: **kon'*, **pramit*: *x*; *x* = *pram*. Предполагаемая модель отношений носит необязательный характер, особенно если принять во внимание усеченные формы типа слов. *kamъ, polmъ, remъ, kremъ*, возникшие вторично на почве отдельных славянских языков из *kamy, polmy, kremy* и т.п. (см. Stawski F. – Słownik prasłowiański 1, 125).

prélo 'проход, отверстие' ~ с.-хорв. кайк. *prêlo* 'отверстие в ограде, проход' (RJA XI, 582–583), *прило* 'отверстие, через которое пчелы проникают в улей'¹⁵, сюда же болг. диал. *prélka* 'вход в пчелиный улей' (БД IV, 135; БД IX, 304), вслед за Скоком (Skok III, 38), объясняется из **pré-(j)ъd-lo*, далее к **iti*, **jъdq*. Форма на -l образуется от супплетивной основы. Более вероятно развитие из **prêdlo* < **prêsti*. Ср. *préso*.

prêmek 'плохое зерно, смешанное с плевелами' < гл. **ob(-)prêmiti* 'чистить зерно', **prêmiti* 'делать, направлять'. Представляется более вероятным развитие из **per-tъmkъ*, далее к гл. **mykati*/**tъknqti*.

préso 'Spinnrocken, Spindel' толкуется как омоним к рус., укр. *прясло* 'звено изгороди, забора', чеш. *práslo* 'часть забора между двумя столбами' и т.д. < **prêt-slo*, далее к **prêtati*. Более вероятно производность от гл. **prêsti*. В названии забора, изгороди находит отражение старая техника плетения изгородей из прутьев, ср. типологически сходное слово. **plotъ* с тем же значением, производное от гл. **plesti*¹⁶.

prêšustvo 'adulterium' < **prêšustvô* связывается в конечном итоге с **šъstъ*, прич. гл. **choditi* с предполагаемым первичным значением 'transgressio; переход, проход', т.е. 'проступок' или 'уход к другому или другой'. Такое толкование представляется маловероятным. По всей видимости, прав был Нахтигаль, когда связывал словенское слово с прилаг. *sûh*. Подтверждает версию Нахтигала рус. диал. *сушить* в значении 'приворожить кого к кому, томить невольной любовью', *сухая любовь* 'платоническая или духовная, не плотская' (Даль² IV, 366, 367).

**prijatje* 'место жительства', в XVI в. *priathie* (Alasia). Трудно принять объяснение из **per-jetъje*, далее к **jetî, jъtеžъ*. Наиболее вероятно связь со слав. **jata* (ср. словен. *jata* 'хижина', 'пещера'). См. ЭССЯ 8, 182.

priklûiti se 'прилаживаться, приспособляться' < **pri-kutiti* 'прийти, приобрести откуда-то', ср. *s-kûiti se* 'оставить гнездо, семью', далее допускается возможность развития из неподтвержденного *(*pri-*)*kъl-utъ* 'черенок, побег', сложившегося на базе словен. **pri-kellti* 'прилепить, приклеить', далее к **kъlъ* 'клей'. Такое толкование представляется весьма спорным. Более вероятно соотношение с н.-е. **kleu-* 'кривой', 'цеплять (кривым)', 'запирать' (ср. лит. *kliûiti* 'цепляться, попадать'), расширенным суф. -*t, -d*. В русских диалектах привлекает внимание лексическая группа с корнем *клюд-*: *поклудница* 'притворщица, лицемерка', *проклуда* 'проказник, выдумщик', 'бездельник', *проклудный* 'проказливый, хитроватый', *приклуда* 'притворщик, притворщица' (Ярослав. словарь: *Питок-Ряшка* 46, 87, 98). Близкие образования с суф. -*d, -t* в лит. *kliudýti* 'задевать, зацеплять', 'препятствовать, мешать', *kliuditis, kliûtis, kliûs* 'придирака, повод (к score)', лтш. *kļauties* 'прижиматься, льнуть', *kļūda* 'ошибка, погрешность' (ЭССЯ 10, 83; Fraenkel 274).

**prôj* 'Spannholz, Sperrleiste (der Weber)' ~ словен. *sprôga*. Более вероятно производность от гл. **prêd-ti* (Bezljaj, Esei 126). Ср. с тем же суф. -*ъj* – *спрôжда / спрêжда* 'пряжка' в одном из архаичных болгарских диалектов – родопском (Т. Стойчев – БД II, 272).

pûhel 'редкий, пустой, неплотный' < прич. на -l от гл. ***pus-ti*, восстанавливаемого на основании лит. *pûsti, pušiti, pûšiau* 'веять, дуть; вздуть, раздуть'. Скорее всего прич. на -l образовано от гл. **рихnqti* по типу русск. *дохлый:дохнуть*.

pûiti se 'дуться (о детях) ~ словен. *krpûiti se* 'надуться (о рассерженном животном)', *nakrpûiti se* 'причудливо одеваться', 'щеголять в одежде (о женщине)'. Последнее толкуется как сложение гл. *putiti se* с экспрессивным преф. *kr-*. Трудно согласиться с таким морфологическим членением и особенно с постулированием нигде более не засвидетельствованного преф. *kr-*. Были попытки понять этот глагол как продолжение **krêputiti se* (Pleteršnik I, 479). К раскрытию внутренней формы подводит словенский диалектизм – толмин. *krpûiti se* в значении 'нашивать на одежду разные лоскутки',

синонимичное гл. *nalupúiti se*¹⁷. Словенский глагол представляет собой образование на *-utati* от гл. **kǫrpati* (словен. *kǫrpati* 'латать, чинить' и т.п.) ~ **kǫpra* (словен. *kǫpra* 'латка, заплата', болг. *kǫrna* 'платок, платочек' и т.д.), ср. отношение того же типа **lorpati* ~ **lorutati* (ЭССЯ 13, 237; 16, 77). Первонач. – 'надевать, навешивать на себя разные тряпки, лоскуты' > 'причудливо одеваться', 'щеголять' > 'важничать', 'быть напыщенным', 'дуться' (уже в общем смысле применительно к человеку и животным).

púšiti 'готовиться к роению' (s. v. *púšiti* 'торчать, выступать') семантически точно соответствует блр. *пушыць*¹⁸.

rást 'видимая трещина в стакане', 'утолщение в стекле', 'жила в камне' < **rastb/ *rastb* 'трещина' признается в формальном и семантическом плане близким лит. *riuožtas* 'борозда на поле, полоса' < и.-е. прич. **uroHg'-to-s* от незасвидетельствованной глагольной основы **uroHg'* – 'резать, царапать', связанной чередованием с **ureHg'* (> праслав. **rězati*). Есть основания думать, что семантика словенской лексемы мотивирована другим признаком: этим словом обозначается то, чторосло, некое образование, нарушающее целостность, однородность структуры предмета, материала. В таком случае словен. *rást* связано отношением производности с гл. *rasti* 'расти', как русск. *нарóст* и др.

répa II 'грязь, нечистота'. Едва ли можно говорить именно об этом значении, поскольку слово выступает в семантически неразложимых устойчивых выражениях типа словен. *repa ti raste v ušesih* 'иметь грязные уши', польск. *brudne uszy, że można rzepe śiac* то же и др. Общий смысл высказывания не выводим из конкретного значения отдельных слов. Значение 'грязь, нечистота' свойственно не слову *répa*, а всему выражению. По этой причине нет необходимости в особой этимологии (~лтш. *ap-rept* 'быть грязным' и др.), отличной от этимологии *répa I*¹⁹.

rézen 'острый (о вкусе)' объясняется как результат контаминации двух основ: одна из них – калька с нем. *Wein schneiden*, другая – восходит к основе **ver-sk-lz-g-*. Более вероятно производность от гл. *rězati*, ср. семантически близкое в.-луж. *rěznu* 'режущий', 'резкий, острый на вкус' (Трофимович 249).

ródén 'о дождевых облаках', сблизяемое с укр. *рудá* 'дождь сквозь солнце', в.-луж. *ruda* 'роса', толкуется как отражение праслав. **rōda* 'дождь, роса' < и.-е. **red-*, **rod-* 'течь'. Судя по той характеристике, которое получает прилаг-ное в словаре Плетершника, речь идет о дожде, приносящем урожай, плодородие, ср. *rodno polje* 'плодородное поле', *rodna trta* (Pleteršnik II, 432), что и позволяет соотнести прилаг-ное с суф. -ьль с гл. **roditi* 'родить'.

-rúljen в сложении с префиксом *zarúljen* 'здоровый как рыба' < **rudliti* < прич. **rudlǫ* 'красный' < **reudhelo-* 'делать красным' ~ греч. *ῥεῦθω* то же. Отмеченное Плетершником *zarúljen* в значении 'здоровый как лев' (так у Плетершника!), несомненно, связано отношением производности с гл. *zarúliti* 'заревать' (Pleteršnik II, 873), далее – к **rjuti*.

šějem 'nundinae', как и польск. *sejmi*, рус. диал. *сойм* 'крестьянская сходка', восходит к праслав. **sъjьmъ*, реконструкция **sъjьmъ* справедлива для рус. *сонм* (в тексте ошибочная форма *соми*), ц.-слав. *съньмъ συναушѹ*, ст.-чеш. *smet* (Фасмер III, 592, 717).

sěsti 'sedere'. Можно отметить интересное глагольное образование, вероятно, производное от основы настоящего времени, с корневым вокализмом *o* в с.-хорв. *osūdūt* *ce* 'впасть в апатию, стать безвольным вследствие несчастья, беды'²⁰.

sěvati 'сиять' не связано с гл. *sěkati* 'сиять, сверкать'. Этот глагол в выражениях *oblaki se sekejo* 'образуются перистые облака', *s. se z očmi* 'свергает глазами' является метафорическим переосмыслением основной и исходной семантики 'сечь' (Pleteršnik II, 466).

skrómen 'bescheiden, anspruchslos'. Нельзя пройти мимо с.-хорв. диал. *скрѣман* 'скромный'²¹ с корневым вокализмом *-e-*, ср. слав. **kremjǫ*, **kremiti*, **kremica* (ЭССЯ 12, 117). Следы этимологического значения 'ограниченный рамками, в определенных границах' сохраняет с.-хорв. *skroman* 'скрытый, тайный' (RJA XV, 340).

skúbsti 'щипать, ощипывать', 'вымогать (деньги)'. Не совсем ясно, на каком основании для этого глагола восстанавливается в качестве исходной редуцированная основа в форме **skeu(bh)-skoubh-* (< **skeubh-* 'делать быстрые движения'). В этой связи

требует пояснений идея о развитии из редуцированной основы (с утратой первого слога) лит. *malū*, гол., др.-в.-нем. *malan*, лат. *molō* ‘молоть’ < основа наст. вр. **mī-molH*- или интенсив **mél-molH*-; др.-в.-нем. *faran* ‘ездить’ < **pl-por-ti*. Определенный интерес с точки зрения корневого вокализма представляет укр. *об-уцубрату* ‘ободрать, оципать’ (Гринченко III, 33), вероятно, связанное чередованием со слав. **skub-ti*.

slanjúga ‘ленивая и неряшливая женщина’ < **soln’uǵal* **soln’a*, далее к прилаг. **solnŕ* ‘грязный, серый’, т.е. в основу обозначения положен признак цвета. Но скорее всего прав был Плетершник, указавший на соотносительность с гл. *sloněti* ‘опираться, прислоняться’. Дополнительным аргументом в пользу такого объяснения служит рус. диал. *сланьба*, *слоня(ю)га* ‘шатун, тунядец, лентяй; бродяга’, соотносительность которых с гл. *слоняться* (Даль³ IV, 261) не вызывает сомнения.

Slavěn. Толкованию слова *Слоуэтичь* на основе и.-е. **k’lōu*- ‘умывать’ (ср. лат. *clūd* ‘чистить’ и т.д.) противоречит значение древнерусского слова ‘славный, знаменитый’, совершенно определенно указывающее на связь с гл. **sluti*, **slyti*.

smotlāka ‘хлам, баракло; вредные насекомые; сборище людей’ трактуется сложно как результат контаминации двух лексем: одна из них восходит к **stmq̄t̄-volky/-volka* < **stmq̄t̄* ‘беспокойство, тревога, ссора’ (~ рус. диал. *смутолок* ‘смута, несогласие’, *смутолока* ‘беспорядок, неурядица, суета’), а другая родственна польск. диал. *smatlāk* ‘мальчишка, хулиган’, ‘плохой работник’, чеш. *smotlacha*, *šmatlach* ‘смущенный, сконфуженный человек’ и др. и далее связывается с **motati*. В ряде случаев решить проблему словообразовательно-морфологического членения слова невозможно без учета непродуктивных редких суффиксов, усилительных элементов²². Именно такой подход помогает понять приведенные образования как сложение префиксальных *s-mo* и **tolka/’tolk’*.

sobra ‘крупа’, а также приведенное Плетершником *sōvrica* справедливо определяются как производные с преф. **sq-* от гл. **bʰyati*; кроме блр. *субор* ‘смесь из пшеничных зерен’, в число соответствий можно включить и рус. диал. *субор* ‘камень, валун, собранный с пашни и сложенный грудой’ (Даль² IV, 332). Даже с учетом акцента для словенского единственно возможной остается реконструкция исходной основы только в форме **sq-bʰya*. То же самое относится к словен. *sodra* < **sq-dʰra*.

sočŕjve ‘legumina’ < праслав. **sōčŕivo* с первоначальным значением ‘то, что готовится на кухне’. Для обоснования такой семантической реконструкции привлекает болг. *сѣчиво* ‘суп’, слав. **sokačь* ‘повар’ (словен. *sokač* ‘повар’, ст.-слав. *сокачичи* ‘мясник’, ‘повар’), **sokalb* ‘кухня’ (рус.-цслав. *сокаль*, *сокало* ‘поварня’), далее вся эта лексическая группа соотносится с гл. ***sok(a)ti*, которому приписывается значение ‘готовить’. Предполагается, что значение ‘чечевица’ развилось через промежуточную ступень ‘еда, пища’ < ‘то, что готовится’, а значение ‘готовить’ сложилось на базе семантики каузативного гл. **sočŕiti* ‘увлажнять, мочить’ > ‘смягчать, делать мягким’. Сразу заметим, что ссылки на слав. **sokalb*, **sokačь* неубедительны хотя бы потому, что для них осталась непровергнутая версия тюркского происхождения (см. Фасмер III, 708). Слово связано с определенной культурной реалией: в канун Рождества едят постную пищу, постную кашу, *сочиво*, т.е. пищу с соком, отсюда название *Сочевник*, *Сочельник*, ср. еще рус. диал. *сѣчиво* ‘семянной сок или молоко’, *сочевѣца* ‘чечевица’, *сѣчень*, *сѣченик* ‘пресные, тонкие лепешки, постные, на конопляном соку’ (Даль² IV, 264).

solika ‘крупа; мелкий град’ ~ слав. **solb* ‘град’ (омоним к **solb* ‘соль’), производное с суф. -*yka* от глагола с корневым вокализмом *o*, родственного лит. *šalti* ‘мерзнуть’ < и.-е. **k’el-* ‘мерзнуть; холодный’. Нет достаточных оснований для восстановления на праславянском уровне омонимов **solb I* ‘соль’ и **solb II* ‘град’. Как и в случае со *smolika*, речь может идти о производном с суф. -*ika* от *sol* (Stawski F. – Słownik prasłowiański I, 91–92).

soṃen, прилаг. ‘высокий, статный, стройный’ ~ ср.-в.-нем. *hamel* ‘пень, бревно’, *kaṃač* ‘кол, бревно’, др.-инд. *śamyā* ‘палка, опора’ < и.-е. **k’am-* ‘бревно, балка’ (Machek² 566). Включаемые в это же гнездо рус. диал. *сомбк*, *сомиць* ‘продолжение бревенчатого сруба избы, завершающееся треугольным выступом’, укр. *сомиць* ‘каждое из тех бревен в стене хаты, которые только одним концом связываются в замок, а другим упирается в дверные или оконные косяки’, польск. диал. *sumik* ‘место, где отверстие для окон и

дверей' и т.п. служат обозначением бревен, которые *смыкают* в замок, врубая одно в другое зубом (Даль³ IV, 303–304). Не вызывает сомнения исходная для них форма **smьtkъ* ~ **smьkьnqti*/**smykati* (Фасмер III, 716).

sómenj 'гряда, луг между полями' соотносится с гл. **smь-tněiti* 'рассудить', первонач. 'межа' < 'решение, приговор'. Трудно найти типологически сходные примеры перенесения обозначения процессов умственной деятельности в сферу сельскохозяйственной терминологии. Возможно, словенская форма явилась результатом фонетического преобразования **so-mejen* 'находящийся рядом с межей', ср. *náméjen* 'пограничный'.

stáratj se 'стараться, трудиться, беспокоиться, хлопотать; мучиться, напряженно работать' < праслав. **starati* (*se*), итератив на *-ati*, производный от незавидельствованного гл. ***stor-ti*. В круг родственных образований включены лтш. *staršgs* 'усердный', лит. *starinti, starinù* 'тянуть с трудом', лат. *sternāx* 'вздорный' и т.д. (см. еще Фасмер III, 746). Однако собственно словенский материал, внутрисловенские лексические связи открывают возможность иного истолкования славянского глагола. Мы имеем в виду словен. *táratj* 'мучить', 'трудиться, напряженно работать', *terati* 'пытать, мучить' и *tréti* (*tarem, trem*), который, помимо основного значения 'давить, жать, угнетать' (ср. *mrzlica, trešljina me tare*), в выражениях типа *t. se s čim, t. se za kaj* характеризуется еще значением 'неутомимо трудиться', 'биться', 'заботиться'. Данные словенского языка подводят к мысли о том, что гл. **starati* (*se*) этимологически тождествен слав. **terti*.

strémati 'мешкать, медлить, поступать' выводится из праслав. **strēmati* < **strēm̃tiēi*, **strēm̃nelo* > праслав. **streiti, -nq* 'торчать', сюда же отнесено словен. *strom* 'ствол дерева'. Неправоммерно сближение с рус. *застрясть*, которое неотделимо от др.-рус. *постряти, пострану* 'замешкаться, задержаться', *пострятану* 'провести время в заботах о ком-л., чем-л., провозиться', *непестрятану* 'переждать, промедлить (какой-л. срок)' и восходит к **strepti* (СлРЯ XI–XVII вв. 14, 294; 17, 262; 20, 242; Фасмер II, 82).

При изучении материалов словаря возникают вопросы, требующие размышлений и специальных исследований. К их числу можно отнести истолкование некоторых слов с начальным *s-*. М. Сной склонен рассматривать слова типа словен. *skóbec, skrák* как первоначальные сочетания с предлогом *stъ* в значении 'подобный, сходный'²³. При исследовании такого большого лексического материала авторам не всегда удается провести единую этимологическую линию при истолковании слов одного гнезда. Для примера приведем *ráštiti I* 'толкать, рыться, ковырять' < **rasti* 'грести, раскапывать', а родственное ему *rášlja* 'вилообразная ветвь, рогулька' объясняется из **orz-stl'*, далее – к **stolo* 'ветка, палка'. Далеко не всегда четко мотивированы словообразовательные (ср. *setine* 'мякина' ~ лит. *sėlena* то же) и морфонологические отношения основ (ср. *rikati*). В ряде случаев в статьях, посвященных лексико-семантическим образованиям одного гнезда, наблюдается излишнее повторение материала (ср. *sějem* и *sněti, skati II* 'брызгать, сикать' и *skalo* 'непостоянный, о человеке'). В словаре, построенном на сочетании гнездового подхода с раздельной, пословной подачей материала, наблюдается непоследовательность в распределении слов, не всегда продуман выбор слова в качестве заглавного. Так, к примеру, отдельные статьи имеют гл. *prositi* 'petere' и итератив к нему *práštati* 'interrogare', а гл. *práštiti* 'frigere' и *pržšti* 'жарить, жечь', отношения которых не столь очевидны, рассматриваются в одном гнезде. На наш взгляд, было бы целесообразно выделить в самостоятельные статьи слова *preseka* 'живой забор' (см. *présekar* 'малина, Rotkelchen'), *sfrišče* 'высушенный телячий желудок, используемый в качестве фермента при изготовлении сыра' (см. *sesriti se* 'скасать').

К третьему тому приложен на XVI страницах список новых лексикографических источников и новой этимологической литературы. В основном авторы при характеристике этимологических версий базируются на традиционном круге источников. В наше время довольно сложно уследить за потоком книг и особенно статей, опубликованных в разных периодических изданиях. И тем не менее нельзя не отметить некоторые досадные пропуски в литературе. При истолковании отношений слов *páz, páziti, páziti, pázduha* принципиально важное значение имеет работа В.Н. Топорова "О происхождении нескольких русских слов" (Этимология 1970. М., 1972, 37–44). В статьях, посвященных словен. *peràn* 'вол с белыми пятнами' (~ чеш. *peřestý* 'пестрый'), *sěrec* 'sulphur', остались неучтенными исследования О.Н. Трубочева, опубликованные в сб. "Этимология". (Этимология 1972. М., 1974, 33–35; Этимология 1968. М., 1971. 32–55). При истолковании

слав. **rajb* (s. v. *řāj*), с которым связано одно из древнейших понятий духовной культуры славян, нельзя обойти вниманием исследование О.Н. Трубочева "Этногенез и культура древнейших славян" (М., 1991, 173–174), одна из глав которого посвящена этимологизации этого сакрального термина на основе восстановления языческих представлений, связанных с мировоззрением древних славян. Не отмечены исследования О.Н. Трубочева, посвященные этношиму *славяне*.

Анализируемая работа представляет собой солидный труд, который вводит в практику этимологических исследований большой фактический материал и в определенном смысле подводит итог этимологическому изучению словенской лексики. Эта работа расширяет и углубляет наши познания в области славянской этимологии. Несомненно, словарь привлечет к себе внимание славистов и станет предметом специальных научных обсуждений, которые помогут осмыслить, обобщить опыт словенской этимологии в широком контексте исследований, посвященных реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда.

Л.В. Куркина*

Примечания

- ¹ *Snoj M.* Praslovanski ziz indoevropskega *s* v luči novejših akcentoloških spoznanj. Disertacija. Filozofska fakulteta v Ljubljani, 1978; *Idem.* Kratka albanska slovnica. Ljubljana, 1991.
- ² *Furlan M.* Indoevropske dvozložne težke baze v hetitščine. Disertacija. Filozofska fakulteta. Ljubljana, 1986.
- ³ *Šivic-Dular A.* Pomenoslovna razčlemba besedne družine iz korena *god-* v slovanskih jezikih. Filozofska fakulteta v Ljubljani, 1978.
- ⁴ *Трубочев О.Н.* Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи. М., 1963, 14.
- ⁵ *Borys W.* Z polskiego ludowego słownictwa topograficznego: *suć* 'zagajnik, bor sosnowy' // *Onomastica XXVII*, 1983, 73–75.
- ⁶ Там же, 420.
- ⁷ *Аншкн А.Е.* Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Новосибирск, 1988, особенно стр. 6–22.
- ⁸ *Бенвенист Э.* Семантические проблемы реконструкции // *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974, 331–349.
- ⁹ *Трубочев О.Н.* Реконструкция слов и их значений // *ВЯ*. 3. 1980, 3–14.
- ¹⁰ *Лукинова Т.Б.* Лексика слов'янських мов як джерело вивчення духовної культури давніх слав'ян. // IX Міжнародний з'їзд славістів. Київ, 1983, 96–103.
- ¹¹ *Дучић Ст.* Живот и обичаји племена Куча // Српски етнографски зборник. Књ. XLVIII. Друго одељење. Живот и обичаји народни. Књ. 20. Београд, 1931, 45.
- ¹² Славянские древности I: А–Г. М., 1995, 401–402 (s. v. *воздух*); Славянская мифология. М., 1995, 99–100.
- ¹³ *Slovanski svet IX*, št. 10(5 apr.), 1896, 114 // *Narečno gradivo*. Inštitut za slovenski jezik F. Ramovša. ZRC.
- ¹⁴ *Трубочев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991, 171; *Он же.* Славянская этимология и праславянская культура // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. М., 1991. 13–14.
- ¹⁵ *Трубић М.* Говор Свишчане. // СДзб ХХХ. Београд, 1984, 217.
- ¹⁶ *Трубочев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 163 и след.
- ¹⁷ *Kenda J.* Slovarsko gradivo s Tolminskega 49. Rokopis. Ljubljana. Inštitut za slovenski jezik. ZRC.
- ¹⁸ *Супрун А.Е.* Белорусская этимология и межславянские лексические соответствия // *ZfSl Bd.* 24, Н. 1, 1979, 139.

* © Л.В. Куркина

- ¹⁹ Сунрун А.Е. Белорусская этимология и межславянские лексические соответствия // ZfSl Bd. 24, Н. 1, 1979, 139.
- ²⁰ Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, 140–161.
- ²⁰ Стржигович П. Из лексике Васојевића // СДзб XXXVI. Београд, 1990, 157.
- ²¹ Тешић М. Говор Љештанског // СДзб XXII. Београд, 1977, 288.
- ²² Петлева И.П. К вопросу о словах с усилительным (-)to, (-)ta, (-)tu в славянских языках // Этимология 1978. М., 1980, 65–69; Она же. О важности учета в этимологии лингвистически редких явлений формального характера // Этимология 1984. М., 1986. 198–201.
- ²³ Snoj M. Sledi praslovanskega predloga *sъ 'podoben, enak, približen' v slovenščini // SR XXXVII, 1–3, 1989.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков).

Под редакцией Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994, 842 с.

Выход в свет этого словаря – несомненно, значительное событие в славистике. Впервые широким кругам специалистов и любителей древней письменности стало доступно компактное справочное пособие, полно и всесторонне представляющее старославянский лексикон в объеме его "классических" письменных источников.

Старославянская лексикография имеет давнюю историю, в которой наиболее крупными достижениями являются словари Ф. Миклошича (Miklosich), А.Х. Востокова (Востоков), И.И. Срезневского (Срезневский), Л. Садник и Р. Айцетмюллера (Sadnik-Ajzetz-müller) и Slovník jazyka staroslovenského Чешской Академии наук (Slovník jaz. stsl.). Из них только в Sadnik-Ajzetz-müller собрана собственно старославянская лексика (хотя выбор источников не вполне бесспорен), в остальных случаях она представлена неполно и неточно и рассеяна в материале более поздних рукописей. Даже в Slovník'e jazyka staroslovenského, несмотря на его название, реальное лексическое наполнение выходит за пределы старославянских рукописей, так как этот монументальный компендиум, во многих отношениях явившийся предшественником рецензируемого словаря, включает лексику не только старославянской эпохи, но и церковнославянских рукописей XII–XVII вв., относящихся к широкому славянскому региону.

"Старославянский словарь" создан совместно сотрудниками Славянского института Академии наук Чешской республики и Института славяноведения и балканистики Российской Академии наук на основе пражской картотеки старославянских и церковнославянских рукописей с учетом индексов к отдельным памятникам, а также сравнительно недавно обнаруженных и потому не вошедших в Slovník jaz. stsl. текстов. Материал выбран по 18 "классическим" старославянским рукописям X–XI вв., из которых двенадцать написаны глаголицей (Киевские листки, евангелия Зографское, Маринское, Ассеманиево, Охридские листки, Зографский и Боянский палимпсесты, Синайская псалтырь, Синайский еххологий, Синайский служебник, Клоцов сборник, Рыльские листки) и шесть – кириллицей (Саввина книга, Листки Ундольского, Енинский апостол, Супрасльская рукопись, Хиладельские листки, Зографские листки). Таким образом "Старославянский словарь" корректен в отношении источниковой базы¹, что позволяет представить в определенном единстве словоупотребление славянских памятников.

Своим названием "Старославянский словарь" указывает скорее на эпоху, чем на лингвистические параметры материала, поэтому он оказывается вне дискуссий, связанных с различным пониманием границ и объема лексики старославянского языка и разным представлением о составе его источников².

Издание оснащено прекрасным научным аппаратом, который дает читателю представление не только о лексической, но и о многих сторонах старославянской проблематики. В подробном Предисловии содержится очерк истории изучения старославянского